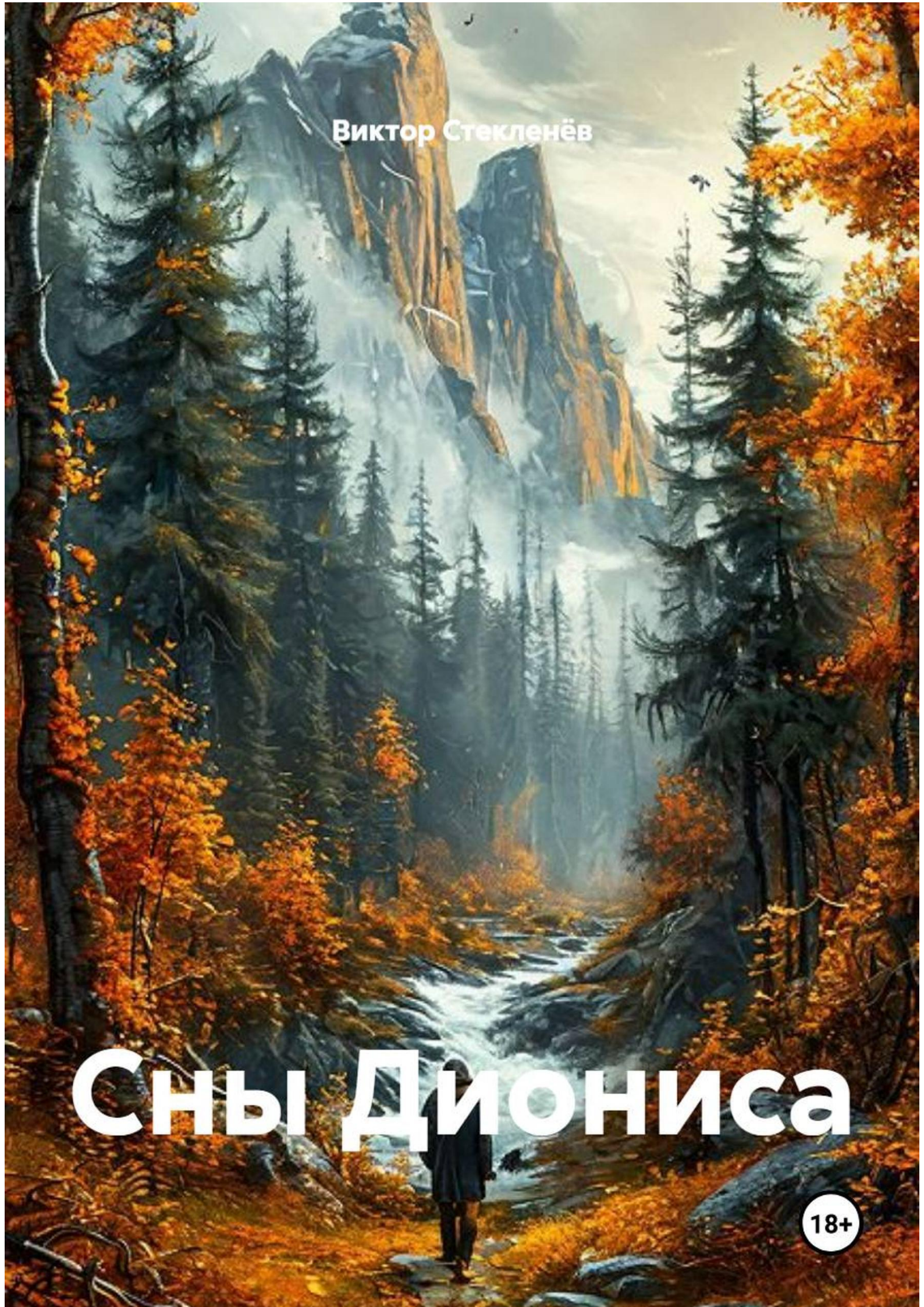

Виктор Стеклёв

Сны Диониса

18+

Виктор Стекленёв

Сны Диониса

«Автор»

2026

Стекло́нëв В. А.

Сны Диониса / В. А. Стекло́нëв — «Автор», 2026

Стихи, басни, посвящения и другие лирические жанры последних лет - всё,
что связывает с хорошими людьми и значимыми событиями

© Стекло́нëв В. А., 2026

© Автор, 2026

Виктор Стекленёв

Сны Диониса

Стишки и песни, басни, сказы, И всякие другие штуки Помогут не заснуть от скуки Или любой другой заразы

«Дионис», город Находка, Озерный Бульвар

*Как мало надо человеку
Среди безумной жизни волн,
Где нет приюта и просвета,
Где мир и тьмы, и страха полн!*

*Где Ночь сжимает клешни смерти,
И в доме не горит очаг, —
Как Вера и Надежда светит,
Горит «Диониса» свеча.*

*Как мотыльки, на свет слетаясь,
Сюда разбитые сердца
Сползаются, с Судьбой смиряясь
В преддверье Страшного Конца*

*И получают отпущенье:
Кто стопку Водки, кто Пивко,
И отступает наважденье.
Сбивая сталь земных оков.*

*«Дионис» горе разбавляет,
И зажигаются глаза:
Вино от Страха избавляет,
Кусочек Рая показав.*

*Гром усмиряя диких игр,
За стойкой бьющих через край,
Выходит Князь Забвенья —
Игорь, Хозяин троп, ведущих в Рай:*

*«Весь день на каторжной работе
Ты был прикованным рабом.
Но, дня пустого на излете,
Ты посетил сей чудный Дом,*

*И сбросил тяжкие оковы,
Стаканом грудь раскрепостив.
Ты в Мир вступил красивый, новый,
Тот глупый, грешный мир простив!*

*«Дионис» дал тебе Свободу,
На Счастье он тебя обрек.
Пусть даже пьяный в хлам у входа
Лежишь. Но стал ты Человек!»*

*Здесь не услышать брани Хама
(Где Хам — начальник, ты — Дурак),
Здесь нищеврод последний самый,
Пусть даже и Дурак, — не Враг.*

*Здесь мысль сливается в едино.
В ней Космос, Бабы и Вино.
И каждый здесь — Непобедимый,
И целый Мир у каждых ног.*

*Наверно, Божьим Провиденьем
Здесь Рай создать хозяин смог.
«Дионис» — сердца наслажденье,
Родной Свободы уголок.*

Облака

Я смотрю в облака в высоте, там, над городом нашим.
Как красивы они в угасающих солнца лучах:
Нежный фон голубой золотым предзакатьем раскрашен,
Горизонт утопает в румяно-седых облаках.

Точно так же вы плыли над князем Андреем спокойно,
В небе Аустерлица, где вас он впервые узнал

Ничего кроме неба, — для тех, кто уходит достойно, —
Тишины и спокойствия, — так нам Господь завещал.

Отражаясь в застывших глазах, словно тени Аскольда и Дира,
Над Олегом, убитым змеей, — Вещим князем Руси,
Проплывали вы в сини небесной огромного мира,
Что бы мир о державе великой собой известить.

И еще, сто веков до того, не оставив Истории имя,
Вождь, приведший в бескрайний простор белокурый народ,
Руку к небу простиер, и над предками плыли моими,

Облака, — на века украшая собой голубой небосвод!

Точно так же спустя триста лет, возвращаясь из бездны Вселенной,
Подлетая к Земле моей, сказочной, словно кристалл,
Я увижу плывущими их, так же медленно, так же нетленно.
Обращусь к облакам: «Как давно же я вас не видал!»

Нечаянная ошибка

Он тихо сидел на Вечере,
С Учителем, бок о бок.
Единственный и Доверенный,
Делая всё, что мог.

Ему лишь открыл Учитель
О завтрашнем главном Деянии:
Спасении грешных жителей,
И будущем Наказании.

Но не словами этими
Был озабочен он.
Мучили дыр просветины:
Учителя стар хитон.

«Завтра, с зарей рассветной,
Надо денег найти.
Учителю, — главное это, —
Одежду приобрести.

Спрашивал первосвященник
Узнать о планах Учителя.
И обещал дать денег!
Куплю хитон восхитительный!»

Утром Иуда стремительно
На встречу спешит, радуясь.
Будет хитон Учителю!
Будет учителю Праздник.

Разливы слов непонятных
Не принесли добра.
О! тридцать монет проклятых
Из адского серебра!

Смерть от неверья мучительна:
Без веры мучительно жить.
А он лишь хотел для Учителя
Новый хитон купить

Харон

Харон, сын Нюкты и Эреба,
Работу славную вершил:
По водам Стикса в Земли Неба
Людишек бывших он возил.

Бессменно, сквозь тысячелетья
Его служил нетленный челн:

И скольких он свезти успел?
(Не многим ведь дано Бессмертье)

И вот, от нудности труда,
Стал он к работе равнодушен.
Для развлечения тогда
Решил клиентам тешить души:

То стопку крепкого нальет,
То впарит косячка затяжку,
То песню с ними подпоет,
И шприц подкатит, если тяжко

Совсем наш мир с ума сошел!
Закон традиций смежил вежды.
Но ведь и это — хорошо:
Он уходящим дал Надежду!

Законодательство дало
УДО за супер-преступленья!
Быть может, и в Аид пришло
Для всех умерших послабленье?

Когда серийный зверь-маньяк
На Зоне есть икру и крабов,
Быть может, двери отворят
Обратно, через Стикс прорабы

Аида. Дома погостить
На пару дней из Царства Мертвых?
Свобода ж! Что ж не отпустить
На выходные даже Черта?

Ведь можно всё! Дожили мы
Когда вступают в брак мужчины,
Когда решетки у тюрьмы
Распахивают без причины,

Когда Закон диктует Вор,
А учит деток, — псих-тупица.
О чем, простите, разговор:
Ведь может всякое случится!

И для кого то новый день
Свиданья с трупами настанет.
С застольным тостом встанет тень:
Труп Гитлера над миром встанет.

И Рузвельт красного нальет,

Сведя бокал с Наполеоном.
И Сталин песню запоем
Про Сулико под мертвым кленом.

Быстрее, быстрее гребите, Харон,
Вези меня в Аида царство.
Надеюсь, что и там Закон,
Что сделал Ад из Государства!

Сегодня дом мой, Русь моя
Превращена в Реальный Ад.
Я буду умирать смеясь:
Любому Аду буду рад.

О Вере

Я не умею врать. Не научили.
И так же не умею воровать.
Не моден я, ведь в современном стиле
Без этих навыков проблемно выживать.

Не научился я лизать чужие жопы:
Хотя, как вижу, это стимул для карьер.
Не приобрел я популярный нынче опыт,
Чем депутат владеет, и премьер

Я даже толком не обучен отвечать
На хамство, — хоть в автобусе, хоть в блоге.
Ругнусь всем, что умею: «Твою мать!...»
И лапу пососу в своей берлоге

Я очень много не умею что.
Родители работать научили,
И сдерживаться, если «как бы» что,
Когда вдруг «ненароком» оскорбили

Но часто я родительский наказ
Не сдерживаясь, все же нарушаю.
И всё же, Люди, я прощаю вас.
Как и меня родители прощают.

Их нет. Год мамы, двадцать — бати лет.
Но почему то, до сих пор я в них уверен:
Они простят. Я помню их совет:
«Верь людям. Это ж люди, а не звери».

Лебеди в Находке 30 марта

А сегодня кончается март в самом центре весны.
Значит, кончен морозовый зимний холодный концерт.
Дальше лишь нарастанье тепла, и зеленые сны,

С летом жарким, таким долгожданным в конце.

Жаль, конечно, — растает наш зимний каток,
Жаль конечно, в снежки нам уже не сыграть.
Жаль конечно, от нас не зависит тот срок,
Что судьба порешала: нам жить летом иль умирать

Что за мысли дурные, когда за окошком капель?
Что за мрачные думы, весной, где небес синева?
Ведь закончилась ночь, и утихла над миром метель,
И о чем в зародившейся радости нам горевать?

И набухшие почки сулят возрожденье листвы,
Море дышит ветрами далеких чужих островов,
В новом царстве, рождающем жизнь, просыпаетесь вы,
И весь мир вас приветствовать счастьем готов

Только там, в глубине, на пределе сознания, звенит,
Что, вступая в прекрасный и теплый весенний сезон,
Как манкурты, без памяти вдруг оставляем мы дни,
Где волшебен хруст снега, и так для души нужен он.

Забываем под елкой камина мы запах тепла,
Мандариновых корок, сквозь пихт аромат, Новый Год.
Снежной нежности пух, что сумела зима разослать,
И живем мы лишь тем, что на завтра нас ждет.

Так устроена жизнь: обретая, теряешь чуть-чуть.
А чуть-чуть ведь и было прожитою жизнью твоей.
Даже став абсолютно счастливым, постой, не забудь,
Не предай тех холодных, но жизни твоей, — важных дней

А тепло пригревает, растаял на Озере лед,
И — о чудо! — к нам Лебеди в гости пришли
Пусть на этой Планете, как было, так всё и идет.
Никому не нарушить Вселенной Орбиту Земли!

Морской Вальс

Рушит кильватерный след волна,
В брызги Луну разрезая.
Но собирается в блин Луна,
Будто с волной играя.
Будто танцует с волной Луна,
В ритм приглашая нас.
Сверху и снизу смеется она,
Морской кружится вальс.

И на корме, где под талями я один стою
Робкие вальса шажки, — в них я тебя узнаю.

Ветер соленый мне вдруг напомнил запах твой.
Как бы сейчас я хотел закружиться в вальсе с тобой!

Привычный машина ритм задаёт
Винт бурлит контрабасом,
Скрипкой в талях ветер поет.
Судно вальсирует галсом.
Только один у слипа я
Да волны с Луной танцуют.
Как бы хотел увидеть тебя
Желанную и родную.

Волос твоих завиток на виске хочу поправить чуть-чуть,
Запах твой пьянящий и милый я уловить хочу.
В танце, закрыв глаза, с тобой, я над морем лечу.
Слушаю вальс ночной морской. Слушаю и молчу.

Тщетность

Как будто звезды сорвались
Со своих мест и понеслись
В каком-то танце сумасшедшем

Как будто ветер вдруг утих
И в тишине стал слышен звук:
С березы капающий сок.
Как будто ночь, взошла луна,
День промелькнул и снова ночь.
И этот круг, как будто, вечен.
И время строит города
Они растут, и вдруг потом
На их местах один песок.

Лес и рядом

сказ

СЛОВАРИК:

*Чунояр — поселок Красноярского края при лагере общего режима на 10 000 заключенных (1986 г.)

*ТБ (техника безопасности) — строго запрещала одиночные маршруты в полевых подразделениях

*кроки — (здесь): схематическая зарисовка маршрутных съемок *таксация — (здесь, упрощенно): подсчет запасов древесины на корню

*чифир (ь) — (здесь): очень крепкий чай *пал — (здесь): лесной пожар

*дог-хантеры — (здесь): сволочи, отстреливающие бездомных собак

СИБИРЬ, 1986 г.

Такое было вот еще:

Мы перешли на хозрасчет.

Зарплаты больше нам Москва не выделяет.

Завлаб нас вызвал и сказал:
Пора поднять лесоповал,
Наука пусть от вас чуть-чуть поотдыхает.

Завлаб вообще наш юморной,
И за страну всегда горой,
Но тут, поверьте, было как-то не до смеха.
А он все просто разъяснил:
«Я договор тут заключил
Лесоустройства. В общем, в поле надо ехать.

Есть чудный лагерь Чунояр*,
Вокруг него леса стоят,
И лес тот рубят ровно десять тысяч зекон.
И, что бы план им выполнять,
Леса округи описать
Должны на месте два ученых человека.

Командировочный расчет,
И вот билет на самолет.
Летим мы в край такой далекий Красноярский.
Чуна там к Ангаре бежит,
Чуть северней - метеорит
Оставил в памяти тунгусов образ яркий.

Начальник встретил на «козле».
А через час, навеселе,
Мы за столом с ним «новоселье» отмечали.
«Пишите, все, что надо. Дам.
С Парижа — устрицы сюда,
Если дадите леса ПЛАН», — сулил начальник.

«Нужна мне спелая сосна,
И лиственница мне нужна.
Кубов сто тысяч.
Карта трасс, речные броды.
Запасы точно оценить,
Ну, в общем, мне ли вас учить:
Есть план: дать древесины для народа»

На завтра вышли налегке.
Соль, спички, сахар в рюкзаке.
Есть карта, компас, карабин, пять пачек чая.
Тропы таежной впереди
Верст двести. Не спеша иди,
Таксируй* лес, наделы в карте отмечая.

Второй ночевкой был сюрприз.
Напарник мой слегка раскис.

Радикулитом поясницу прихватило.
«Пока недалеко ушли, —
Решаю я, - домой вали!
Добраться до деревни хватит силы»

Он мне: «Куда же ты один?
Нельзя ж, ты знаешь, погоди,
День — два, и я, мол, расхожусь, мол, легче станет!»
«А если эта ерунда,
И не отпустит. Что тогда?
Сорвать работу, — план такой меня не манит».

Забрал патроны, карабин:
«Мне не впервой, пойду один.
ТБ* простят: ведь победителей не судят.
За десять дней петлей пройду,
А ты давай, в деревню дуй!
Работу мы сорвать не можем ЭТИМ людям».

Я с ним простился и пошел.
Неделю шло все хорошо.
А в этот день еще с утра в башке тревога.
На кроках* броды по реке,
Два ПЛАНА леса в дневнике.
Идти осталось тоже вроде бы немного.

Костер у речки разложил,
Под спальник лапник нарубил,
Чифир-бачёк* из банки над костром подвесил.
Сегодня глухаря стрелял,
Разделал, перья ободрал.
Хорошим должен получиться вечер.

В лесу у дня прощаний нет:
Как будто выключили свет.
Исчезли сосны, рядом светят три ствола.
И слышен даже слабый треск,
Когда мышонок топчет лес.
Шуршанье, вздохи, пiski — это ночь пришла.

Ну вот! Как будто ждал. Шаги.
К огню шел кто-то из тайги.
В такой момент немного жалко, что один.
Гляжу спокойно на костер
И жду, что дальше прорастет.
Рука, случайно так, легла на карабин.

Он осторожно кашлянул,
Из темноты к костру шагнул.

«Вам вечер добрый, незнакомый человек!»
«И вам добра! Темна пора:
Вы размещайтесь у костра,
Глядишь, вдвоем чуток быстрее придет рассвет.

Вот половина глухаря.
В бачке довольно чифиря»
«Спасибо, сыт. И воду пил из родника.
Я шел, свернул на свет огня.
Зимуха рядом у меня.
Дай Бог — не пал*. Ну, я пойду, тогда. Пока!»

«Да как вы сразу же — «пойду»?
Зимовье, чай, не украдут?
Я уж неделю человека не видал!
А вы, наверное, лесник?
Я б попросил вас объяснить
Дороги, тропы
как ведется: что — куда?»

Задумался лесной мужик.
Мне показалось, как то сник.
К костру поближе он на корточки присел.
Как будто что-то он решал,
Вдруг резко так глаза поднял,
Через костер в глаза мне прямо посмотрел.

«А вы издалека у нас?
Немного ходоков сейчас
И карабин. Охоты, вроде не сезон»
«Да я из Чунояра здесь.
Иду, учитываю лес.
А без оружия в тайге ведь не резон?»

«Прости, чего-то не пойму:
А лес учитывать к чему?
Растет, живет себе тот лес, и пусть живет».
«Его здесь будут вырубать.
Объемы надо подсчитать.
Вот я таксирую, веду лесной учет».

Не то я видимо сказал.
Каким-то странным путник стал.
Он помрачнел, как будто вспомнил о плохом.
Поднялся, головой тряхнул,
И снова мне в глаза взглянул.
И начал объяснять, спокойно и легко:

«Тебе на Чунояр? На юг.

Дойдеш ты быстро, милый друг.
Да только здесь болото рядом, впереди.
Через него тропа ведет,
Слепой лишь только не найдет.
Мои зарубки там. И ты по ним иди».

Сказал, и резко в лес шагнул.
Во тьме как будто утонул.
И даже звук шагов через минут стих.
Я тоже, почему то, встал.
Смотрю. Но нет! Мужик пропал.
Ну, словно призрак. Как мираж в глазах моих.

На утро я на юг пошел.
Зарубки сразу же нашел.
Тропа и впрямь меня в болото уводила.
Но карта с компасом не врут,
Совпал с зарубками маршрут.
Ушел листвяк. Меня береза обступила.

Все реже и беднее лес.
Серьезно я в болото влез.
Ориентир — на одинокую сушину.
Там сяду, да передохну,
Немного чифиря хлебну.
Хлебнул и встал. Ну а кругом одна трясина.

Я в разных побывал делах.
Но тут пришел реальный страх.
Смотрю назад: и нет тропы, одно болото.
Опушка леса далека,
И марь туманится слегка,
И кажется: из мари смотрит кто-то.

Такой вот вышел закидон.
Я третьи сутки Робинзон.
Чай кончился. А подыхать так неохота!
Костер пока еще горит.
Надежды ноль. И мозг кипит.
И тут донесся с высоты звук вертолета.

Мне нужен дым. Я траву рвал.
Так даже трактор не пахал!
Но дыма столб для летунов уже заметен.
Пилотам крики не слышны,
Мои махания смешны
А я был счастлив. Так, как счастливы лишь дети.

Судьба-рулетка: дашь на дашь.

Простой пожарный экипаж
Случайно дым заметил на подходе к дому.
Могли и мимо пролететь,
Да вот, решили посмотреть.
Мне стали братьями четверка незнакомых.

Когда работу я сдавал
Никто вопросов не задал:
Жив, да и ладно.
Победителей не судят
Сидельцы выполняют свой план,
А мы наш «полевой роман».
А дальше? — дальше будет то, что дальше будет. *****
НАХОДКА,
2016 г.

Я просыпаюсь весь в поту.
Мне сон рассеял темноту:
Костер. Мужик. Его глаза как прожигают.
Я поднимаюсь и курю,
И долго в зеркало смотрю.
Как будто в памяти чего-то не хватает.

Мне вырваться бы из оков:
Я был припасть к Христу готов,
Но, видя, как попы бабло приподнимают,
Возненавидел их душой,
Тропою Церковь обошел,
И Веру голыми руками защищаю.

Прошли года. И навсегда
Ушел Союз наш в никуда.
Давно дог-хантеры* с Кремля тот лес продали.
И я стою среди берез,
И вою, как бездомный пес.
Здесь вертолеты четверть века не летали.

Вокруг болота-города,
Прохода в топях не видать.
Один на острове: спасения не будет.
Кричу, от крика горло рву, —
Людей напрасно я зову:
Ведь перестали быть спасателями люди.

Южный Крест

песенка Летучего Голландца

Мой парус порван штормом. Не скрипит
Под южным ветром сломанная мачта.
Моя команда слишком крепко спит.

О ней давно нигде никто не плачет.

Устали доски палубы моей.
Моих огней бояться даже чайки.
Мой свет — огни от звезд южных морей,
И я ношусь от Кука до Ямайки.

И Южный Крест.
А Южный Крест —
В мире не лучшее из мест:
Мой курс, проколотый в тумане.
И Южный Крест.
Мой Южный Крест
Единственный маяк окрест.
И никогда он не обманет.

И день и ночь я режу Океан.
Опять спешу, и снова опоздаю.
И южный зыбкий призрачный туман
Я только Южному Кресту прощаю.

И снова парус мой наполнен ветром.
Как в буйной юности несусь на юг.
И, Южного Креста хранимый светом,
Я не умру от времени и выюг.

Старый сад

песенка

О чем ты грустишь, старый сад?
О чем ты молчишь под Луною?
Где старый фонащик? — огни не горят
Холодной ночью порою.

Ты помнишь и лучшие дни.
Ты помнишь хрустальные ночи.
Но в чаще глухой заблудились они,
И юность вернуться не хочет.

Ты дышишь уже тяжело.
Ты медленно листья роняешь.
Где солнце и счастье? — все это прошло
Ты радости больше не знаешь.

Один, на печаль обречен.
И мхами седыми задушен.
И жизнь пролетает, как будто сквозь сон.
И голос твой глуше и глуше.

Влюбленных ночами скрывал.

Делил на троих счастье с ними.
Но дни пролетели, друзей потерял,
Пугая ветвями своими.

Кому же ты нужен, старик?
И кто одиночеству рад?
Лишь тот, кто как ты, к расставаньям привык,
Приходит в заброшенный сад.

Части

Мир не меняется в лучшую сторону.
Черное с белым не делится поровну.
Зло и добро не сравнительно разные.
В море отвратного — капля прекрасного.

В космосе тьмы огонек мироздания
В мире безумия крохи сознания.
В царстве гордыни — скромности хижина.
Стая довольных. Планета обиженных.

Тьма

Падение в темноту.
Ты ничего не знаешь.
Ты перешел черту, —
Падаешь, не понимаешь.

Падая в темноту,
Ты друзей оставляешь.
Ты обо всем забываешь, —
Ты уже не тут.

Ты оставляешь свет,
Ты оставляешь небо.
Там никогда ты не был,
Там где тебя уже нет.

Здесь никто не ждет.
Это чужой слот.
Разум не поймет:
Что же произошло.

Тени вокруг стоят.
Ждут, что сделаешь ты.
Ты узнаешь мечты,
И ушедших ребят.

Ты видишь мертвых друзей,
Ты видишь старую мать.
Они не хотят встречать.

Стало еще темней.

Тьма задает вопрос:
В чем же твоя вина?
Словно желает знать —
Что ты с собой принёс.

Что ты с собой забрал,
И что ты оставил там,
Где лучик тепла и добра
Солнце дарит цветам?

Может, ты стал богатым?
Может быть, знаменит?
Здесь золото не звенит.
И быть здесь звездой не надо.

Кто ты был и как?
Что за собой оставил?
Чем ты себя прославил
Перед собой, чуждак?

Честь или работа?
Труд или семья?
Радость жизни твоя:
Ползанья или полета?

И вдруг ответа нет!
Ты осознаешь.
Ты больше не живешь.
И не светит свет.

Только ответ держать
Вечный оставшийся срок
Жизнь короткий урок
А дальше существовать

Тьмою прочерчен трек
Чтоб не страдать во тьме, —
Жить на Земле сумей
Просто, как Человек

А тебе повезло
Там, в темноте знать
Жизни твоей ремесло
Будут всегда вспоминать

С Рождеством, честной народ!
Поздравление радикал-атеиста

Я — атеист. Нет, это не гордыня,
Так воспитали в школе и в семье.
В дни черные, что пролетают ныне,
Когда за это светит клетка на скамье,
Одна утеха: я пока не террорист.

А жизнь сложилась так, что прямо рядом,
Со мной живет любимый человек.
И с Богом она связана навек, —
Следят за мной Иконы мудрым взглядом.

Поддерживая в мелочном быту
Того, с кем до конца жизнь разделяю,
Сию я на Рождественском Посту.
И вот сегодня Рождество встречаю.

На Службу в Храм, конечно, не пойду.
Хотя и понимаю: там красиво.
Я лучше встречу первую Звезду:
Мне Звезды отчего-то дарят силы.

Звезда мне доверительно шепнет:
«Поздравь друзей, пусть сам не понимаешь,
Им поздравление счастье принесет,
Которого ты, может быть, не знаешь!»

Возьму листок, чтоб пару строк черкнуть:
«Всех с Рождеством! Всем радости и счастья!
Минуют Вас пусть беды и ненастья,
И пусть по жизни будет чистым Путь,

Как чист был Путь, Того кто в этот час
Родился так давно и так далеко

Как ясен Свет ночной Звезды высокой,
В ночи который согревает нас!»

И, вслушиваясь в сумрак полуночный,
Чудесной песни вдруг почудится мотив,
С которым мир омоеся порочный,
Все слышащие души освятив:
«Рождество Твое,
Христе Боже наш, возсия мирови свет разума,
в нем бо звездам служащий звездою учахуся
Тебе кланяться, Солнцу правды,
и Тебе ведети с высоты Востока.
Господи, слава Тебе!..»
С Рождеством всех верующих,
С Праздником Надежды просто всех!

Трудный шаг

Как трудно сделать шаг,
И ждать, пока сорвешься,
Переступив черту,
В последний свой полёт.
Когда глаза в слезах,
И на лету смеёшься.
Кто видел высоту,
Лишь тот меня поймёт.

Как трудно победить,
Когда врага не видно.
Когда в прицеле враг,
А пули, в своего.
Нет цели впереди,
И проиграть обидно.
Всё делаешь не так,
В итоге, — ничего

Как сложно изложить
То, главное, словами,
Когда понятна суть
Но ложь рождает речь.
И с этой ложью быть
Не понятым друзьями,
И слова не вернуть,
И чести не сберечь

Как сладостна мечта,
Когда она далёко.
Но исполнение грез
Рождает пустоту.
Устроен мир не так:
Обманно и жестоко.
И океаны слез
Преследуют мечту.

Как трудно быть собой
Средь ярлыков и масок.
И как манит обрыв,
Где вечность одному.
Где для тебя покой
От изобилия красок:
Спишь, на века застыв,
И счастлив потому.

Проводы Старого Года

Афоня Чулин, — не пришей к звезде рукав,

Бомжара русский, все раздав, что приобрел,
Себя в пространстве новой жизни потеряв,
Судьбы все страшные мученья испытал,
Прохожим жалостным был приглашен за стол:

Шагал по парку пьяненький мужик,
Глядь, — замерзает кто-то на скамье.
«Эй, человек! Ты жив? Идем ко мне!
Не по-людски, то, что ты тут лежишь!

Согреешься, помоешься, пожрешь.
Мы нынче провожаем Старый Год.
Здесь ты замерзнешь, а к утру помрешь.
Давай, вставай, ждет за столом народ».

Афоня встал с подстилки из газет.
Покорно зашагал за мужиком.
Он не в последнюю рванину был одет,
Он не вонял помойкой на весь свет.

Он не был алкашом иль дураком.
Обычный русский, дом свой потерявший,
Похоронивший всех своих родных,
Прошедший ада семь кругов земных,
Не нужный обществу, и в нём изгоем ставший

Они зашли в обычную квартиру,
Застолье. Мужиков пять или шесть.
Хозяин гостя своего представил миру,
И предложил на краешек присесть.

Народ наш добр и широк, и сразу
Афоне двинули тарелку, ложку, хлеб
От вида яств едва он не ослеп,
Плеснули водки: «Выпей, крепкая, зараза,
Но, — после ТОСТА, чтоб не захмелеть!»

Хозяин пузырей на стол доставил, —
За ними, собственно, и бегал он в шинок.
Стаканы каждому наполнил «под глоток»,
И гостю новому он слово предоставил.

Афоня встал: «Простите меня, люди,
Что я вот с улицы, и так вот, — сразу к вам.
Спасибо вам. И пусть вам счастье будет,
И извините, — не привык к словам»

«Хороший человек! Свой в доску! Русский!»
С ним чокнулся, что слева был, сосед.

«Тост правильный, хотя немного грустный.
Ничо! Развеселим и включим свет!

Не надо пауз! Наливай, Серега.
И тост бабахни, — твой теперь черёд»
Серега рюмку вытянул вперед,
И произнес решительно и строго:
«Что бы стоял и деньги были, вот!»

И грохнул смехом стол от мудрости завета:
Хороший тост в компании мужской.
Без выпендронов, ясный и простой,
Ну как не хлопнуть рюмочку за это?

Соревнованье тостов покатило.
И за Серегой поднял тост Степан:
«Что б было всё, а нам за то, ничо не было!»
И опрокинул он в себя стакан.

Чуть накалившись, хором все заголосили:
«Давай за баб накатим, пацаны»
«Шобы карманы были деньгами полны»
Хозяин громко, что б не перебили,
Воскликнул: «Что бы не было войны!»

Афоня тихо, незаметно вышел.
Бойца потерю не заметил стол:
Там за приколом следовал приколом,
Все радостней, пошлей, «всё выше, выше!»

А бомж решил: на улице теплей.
Он благодарен людям был за ужин.
Вот только не увидел он — людей.
И был, как прежде, никому не нужен.

Июль, Японское море, мыс Непрístupный

Июль жары накинул мокрую вуаль.
Стал воздух влажным, душным, плотным, липким.
Удушлив, мягкий плавиться асфальт,
И моря спят солнечные блики.

Вода обнимет нежностью волны,
Но и она не даст спасительной прохлады.
А гальки пляжа так раскалены,
Как сковородки в пищеблоке Ада

И мысли плаваются и медленно текут.
И что б заставить течь их плавно и красиво,
Я сквозь жару свой проложу маршрут

К киоску с надписью сейчас уместной: «Пиво».

— Помилуйте! Пить пиво на жаре?
Поистине, безумная затея!
Ведь можно запросто, расслабившись, сгореть.
От пива, кстати, на жаре, — дуреют!

— Зачем, сударыня, так плохо обо мне?
Есть у меня прекрасный план, под стать погоде.
Вон, в миле, буруны вокруг камней,
Кроме бакланов, никого там, вроде?

Туда мой курс, подальше от людей.
Жары береговой там быть не может.
Там спит Прохлада. Подплыву я к ней,
А в гости без гостинца плыть не гоже.

Побеспокою океанских птиц,
Им в море мест для отдыха хватает,
Им нет пределов, стенок и границ,
Известна им одним свобода Рая,

А захотят, — пусть рядом посидят.
Для них смогу со дна поднять гостинцы.
Не глубоко на рифах мидии висят:
Любимейшее лакомство для птицы.

И для себя я, с глубины прохладной
Достану дюжину красивых гребешков.
Для этого пивко как раз и надо:
Вкусней нет: свежего моллюска — под пивко!

Пятак, ополоснув водой морскою,
Надкусишь под живительный глоток.
Вам довелось испытывать такое?
А я б без этих «испытаний» жить не смог.

Сквозь водоросли теплые прохлада
От камня мне подарит свой покой.
Всё. Больше в жизни ничего не надо.
Я частью стал природы. Здесь я свой.

Оп! Что это за фыркание над морем?
Усы и удивленные глаза
Бродяга! Я узнал тебя, поспорим?
Ты — нерпа. Здравствуй. Что тебе сказать?

Я занял твой лежак? Залазь, подвинусь!
Нырнула, — видно, веры людям нет.

Мне показала плавники и спину,
Волна слизнула ластиной след

Пора и мне в обратную дорогу.
Сегодня получил, всё, что хотел.
Жаль, счастья не бывает слишком много.
Но и за то спасибо, что имел.

Залезу в раскаленную машину:
Как там гаишники, на выезде, стоят?
Да ладно, две копейки им подкину,
Того поездка стоила моя.

Работа с головой накроет вскоре.
Июль! Спасибо за свиданье с морем.

Женщина 8 марта

Будто музыка звезд спустилась
И открыла вселенский клад.
Сердце грудь изнутри разбило:
Это женщина в дом твой пришла.

Запах почек, тонкий, весенний,
Робкий солнечный лучик тепла.
Это радость любви рожденья, —
Это женщина в дом твой пришла!

Апрельские праздники

В Находку вернулись птицы
Транквилизаторов — сполна,
Сегодня снова не до сна.
Аутотренинг: типа, — так весна приходит.
А мысли чудеса таят:
Весна у каждого своя.
С ума по своему сегодня каждый сходит.

Для человеческих утех
Пришел апрель, и значит, — смех.
День дурака красиво месяц начинает!
А утром я пошел гулять,
И вдруг увидел журавля.
Он из Китая к Магадану пролетает.

Святой есть праздник у меня, —
Мне все геологи — родня.
Он нынче выпал: прямо третьего апреля.
Гуляю снова с псом моим,
Глазам не верю я своим:
В такую рань, — и свиристели прилетели

Приходит друг: нальем вина!
День ПВО, гудит страна!
(Он тридцать лет родное небо защищает).
А у меня свой идеал!
Я цапель утром увидал.
Они к нам в это время года прилетают.

Сегодня снова ночь не спать.
День космонавтики. Опять
Пишу про День. Мне подарил его Гагарин.
А утром, — как сапфир блеснул!
Там зимородок промелькнул, —
Так рано! Вот весна! Ну, здравствуй, парень

Двадцать второе, — день святой.
Пенсионеры! Все за мной, —
И ты, Потапыч, на субботник подойдешь!
А утром в небо поднял взгляд, —
А в небе ласточки кружат!
Не помешал им прилететь апрельский дождь!

Какой там, к бесам выходной!
Рождение моей родной.
С Танюшкой нынче третий раз встречаем юность.
Тушу цыплят, рублю салат,
Сегодня кухня, — мой наряд.
Пошел курить. А за окном скворцы вернулись!

В календаре гремит апрель.
В нем праздников на шесть недель.
Как доживет до майских дней бедняга — печень!
Ну ничего: переживет.
Мне жизнь продляет птиц прилет.
И с ними, — знаю, — век мой тоже будет вечен!
24.04.2016 г. Находка

Иван да Марья, Пёс Махно и Артём
Сказ.

Человека и собаки — разный век.
Для собак длиной, в семь раз короче.
Даже если любишь друга очень,
Будь готов к его потере, Человек!
На краю убогой деревушки,
Веком похороненной совсем,
Доживали век в своей избушке
Бабка с дедом: их забыли все.

Покосилась хата, огородик

Сплошь бурьяном-лебедой зарос.
Трудно обработать, и не родит
Почва, даже если есть компост

Что там дед лопатой накопает,
Что там бабка сможет прополоть,
Если просто сил им не хватает,
Если Бог им помощь не дает?

Дни живут, тихонько доживая,
На двоих сто семьдесят давно.
И ползут тихонечко до края,
Глядя в мир сквозь грязное окно

С ними третий житель, старый пес.
Взят щенком лет двадцать уж назад.
Сивый, хворый, но еще живет,
Хоть бельмом залеплены глаза.

Честно отслужил дворовый страж.
Пару раз хозяев просто спас:
Воры заглянули как-то раз,
Вот тогда устроил им кураж!

Так на лиходеев наскочил, —
Навсегда сюда забудут путь!..
А сегодня не хватает сил:
Так сказать: ни охнуть, не вздохнуть

В клочья шерсть собралась на горбе;
Стерлись, раньше белые, клыки.
Покорился пес своей судьбе:
Видно, лучшие закончились деньки.

Днями возле будки он лежит.
Пятый день, и есть он перестал.
Изредка, тихонько заскулит:
Видно, крайний час его настал.

«Старый, — бабка деду говорит, —
Видно, наш Мохнатый приболел?
Сутками у будки, будто спит,
Уж неделю ничего не ел

Что-то мне в боку всё тяжелее.
Сон мне был плохой, почти к утру.
В общем, если пес наш околеет,
То и я, наверное, помру»

И глядит с опаскою на деда:
Тот за глупости её бывал суров.
Только взгляд его в окошке где-то.
И не слышно бабке гневных слов.

Дед её как будто не услышал,
Сигареты вынул. Закурил.
Видно стало, как он тяжело дышит.
Тихо, с хрипотой заговорил:

«Видно, есть неведомые вещи.
Вдругорядь сказал бы от души
Только сон твой был, наверно, вещим.
Я давно ведь для себя решил:

Мне мою последнюю собаку,
Видно, сил не хватит пережить.
Не хотел тебя пугать я, бабка,
Тут ты мне возьми, да и скажи

Значит, так назначено судьбою,
Вместе жить, и вместе помирать.
Мы довольно пожили с тобою.
Значит, нам судьба такая, мать?»

«Ты пойди, сходи, его проведай.
Я пока на печь поставлю чай».
Жалко ей себя. И жалко деда.
Только сил нет даже на печаль.

Скрипнув дверью тихо, виновато,
В сени еле слышно вышел дед.
И почти тотчас вернулся в хату.
«Марьюшка, Махно у будки нет»

«Ох», — сорвался с губ кусочек боли.
Выронив из слабых рук рушник,
На кровать присела, обезволив.
Дед же головой к окну приник,

И, как будто сам с собой, вполслуха,
Начал медленно ронять слова.
И со страхом слушала старуха,
Так, что холодела голова:

«Помнишь, как Мохнатого мамаша,
Что была, как будто дочка наша,
Ветка, когда пробил ее час,
Точно так же пожалела нас?

Как совсем уж не носили ноги,
В ночь ушла в лощину, за погост.
Что бы нам не доставлять тревоги
Думаю, ушел туда же пёс.

Там овраг большой, а в нем пещера.
Люди туда носа не суют.
Видно, там собачьих жизней мера.
Там последний их земной приют.

Это Знак. А как нам быть, — не знаю»,
Обернулся, на жену взглянул.
Все он знал. Не знал, как помирают.
Вот теперь узнает. Дед вздохнул.

«Главное, быть в чистое одетым.
Надо баньку протопить сейчас.
Кто б здесь позаботился о нас.
На селе услуг мертвецких нету.

На деревне пять домов осталось,
Как и мы, — полуживое старичье.
Стол собрать, капуста есть и сало.
Банка самогона на питье

Гробовых немного накопила:
Надо бы Романа подрядить;
Он моложе всех. Найдутся силы,
Всех собрать, чтоб нас похоронить

Ты, Иван, сейчас, сходи к Роману.
Всё по-человечьи объясни.
Я пока всё с погреба достану»
И, без слёз заплакав: «Извини»

«Ладно, Маша, что тут извиняться.
На растопку, — старый табурет.
До Романа бы еще добаться.
Вдруг его и дома вовсе нет?»

«Карандаш возьми. Пиши записку.
Дома нет, на дверь ему приткни.
По пути к Смирновым загляни,
Покалякай с ними. К ним то близко.

Пусть соседям весть передадут.
Что бы были люди наготове.
Соберутся; все, небось, придут.

Хоронить для наших ведь не внове.

Ну, иди уже. Пока дойдешь!
Кабы без тебя не кувыркнулась»
Дед ушел, в ногах не слыша дрожь.
Бабка в спину грустно улыбнулась

Вот дают порою старики!
Глупость понадумают, — и что же?
Дальше жить как будто не с руки.
Помирать до времени не гоже!

А подумать: сколько ж можно жить?
Если нету цели и желанья?
По теченью жизни молча плыть,
Вроде жизнь. А вроде помиранье.

Трудно было хоронить детей.
Так случилось: на войне убили.
Не было войны той для людей,
Мирно жил Союз, и дети жили,

По повестке взял военкомат:
«Служба делает мужчиной сразу!»
А потом убили двух солдат.
Где-то там, в чужих горах Кавказа

Будто кто-то вынул позвонок.
Мать с отцом та весть перекосила.
«Где ж ты, сволочь, где ты сука, Бог?»
Да подохнуть силы не хватило.

Друг за друга, намертво вцепив,
Пережили страшную утрату.
Хоронить детей... С ума сойти
Вечно перед Богом виноваты.

Две угробленных судьбой души
Завели щенка. Чужого сына.
А сегодня Бог и этого лишил.
В чем же страшно так они повинны?

Этих мыслей снежный белый ком
Холодил затылок, разрывая.
Жизни нет старухе с стариком.
Дальше жить зачем, — они не знают.

До опушки леса пёс добрёл,
Еле-еле ноги волоча.

Нюх пока работал, верно вёл,
Шел, тихонько про себя ворча.

Где-то там, он помнил, он хранил
Этот запах, места не забыть.
Сколько в детстве возле мамки был.
(Кто о нем сегодня станет быть?)

Запах смерти в месте том живет:
Раньше так отталкивал, пугал
А теперь так манит, так зовет,
И таким желанным вдруг он стал!

Пёс остановился у сосны.
На ноги усталость навалилась.
Лег. Уснул. И тут ему приснилось
(Он давно цветные видел сны),

Как щенком грызет сестренке ухо.
А хозяйка строго так журит:
Никакая вовсе не старуха,
Косточкой сейчас вот угостит,

По загривку мягко так потреплет,
Укорит: «Махнушка! Не шали!»
Он, во сне поскуливая, дремлет.
Если спишь, и сердце не болит.

Вот хозяин по грибы собрался:
«Гей! Махно! Ко мне. Пойдем гулять.
Будешь рядом, будто охранять.»
Как служил. Как верил. Как старался

Нос учуял человека запах.
Кто-то из лесу шагал тропой.
Не знакомый. Не опасный. Молодой.
Добрый. Радуетя и идет без страха.

По тропинке шел Артём. Мальчишка,
Внук Смирновых. Сослан к ним на лето.
Сбагрили родители сынишку:
Старики и рады им за это.

Некому в деревне с ним общаться.
Вот: затеял из себя первопроходца.
И пошел по лесу прогуляться,
Может, приключение найдется?

Видит: пес огромный под сосною.

Вроде добрый. Вон, хвостом виляет.
«Только, — думает, — а фигли его знает?
Если рядом я пройду с тобою?»

Вроде не бездомный, — вон ошейник.
Смотрит честно, не рычит, не злится.
Старый. И слеза из глаз катится.
И прикольно, — на ухе репейник!»

«Пёс! Привет! А чо ты здесь разлегся?»
Встал Махно, вильнул хвостом и улыбнулся.
Он хотел сказать: «Да я, брат, спекся»
Только на наречиях споткнулся.

Не владеет речью человеческой
Каждая нормальная собака.
Понимает человеческие речи,
Но ответить, — не судьба, однако.

Остается лишь вильнуть хвостом:
«Свой я! Ты, пацан, меня не бойся!
Я не злой, ну да и ты при том,
Не злодеем пахнешь! Успокойся!»

«Симпатяга! Как же тебя звать? —
И рукой сторожко потянулся. —
Можно мне за ухом почесать? —
Робко так к собаке прикоснулся,

И за ухом мягко потрепал, —
— И мохнатый! Шерстью так оброс!»
«Он меня по имени назвал!» —
Удивился изумленный пёс.

И уткнулся носом в пацана.
Тот присел, а рядом пёс прилег.
«Слушай! Есть конфета! Будешь? — На!
Будто для тебя ее берег!»

Вежливо гостинец пёс нюхнул,
И, взглянувши пацану в глаза,
Его руку тонкую лизнул.
(Это как «спасибо» он сказал.)

Облизнулся пёс, — он был готов,
Что-то пацану ещё сказать.
Как бы ненароком показать:
Просто нету у него зубов

А конфеты он всегда любил!
К сожаленью, редко угощали
А когда дед с бабкой стары стали,
О конфетах он почти забыл.

Встал Артём. «Ну ладно. Мне пора.
Я из дома убежал с утра.
Чувствую: устроят мне скандал,
Что я в лес ушел, — и не сказал

Может, вместе до деревни мы пойдем?
Ты ж наверняка из чьей-то хаты?
Мне покажешь, где живёшь, Мохнатый!
Ну, айда! Ведь веселей вдвоем?»

И, пока он это говорил,
Сделав три шага вперед спиной,
(Под ноги не глядя), Боже мой!
На змею случайно наступил.

И случилась вот такая штука:
Хвост рванула из-под кед паренька,
Зашипела серая гадюка,
И в кольцо свернулась для прыжка,

И уже в прыжке, уже в атаке,
Пасть свою зубатую раскрыв,
Оказалась в челюстях собаки,
Хоть беззубых, но еще стальных.

Как пёс среагировать успел?
Головой мотнул, змею откинул,
И, перевернувшись, пал на спину:
Силам старым, видно, есть предел.

Лапы задние вдруг дрогнули слегка,
Тихо взвизгнул пес, почти щенячьи.
И затих в ногах у паренька,
Что как будто в ступор впал стоячий.

Время долго и замедленно текло.
И в колени слабость накатила.
До Артема вдруг отчетливо дошло,
Что произошло, что это было.

Он присел и робко пса коснулся, —
Неподвижное, не дышащее тело.
Лишь секунды пёс сражался смело,
И тотчас заснул. И не проснулся.

Как же так? Как это может быть?
Что такое страшное случилось?
Как ему помочь? Как разбудить?
Чертова, простая неумелость!

На колени перед псом упал Артем:
Защипала боль его глаза.
Он склонился над лежащим псом,
И стекла вдруг по щеке слеза,

И упала на собачью морду.
Парень зубы сжал: Ведь он был гордым,
Даже если больно, он не плакал.
Только, — как бы дернулась собака:

Пробежала судорога вдруг,
Лапы вздрогнули. Почувствовав слезу
Голову поднял пёс, и вокруг,
Оглядевшись, парню руку он лизнул.

Побывав уже на свете том,
Возвращен был в жизнь слезой Артёма,
Будто снова в день из ночи темной
Возвратился, — из могилы в дом

Пёс вздохнул. Откуда силы взялись?
И хвостом тихонько шевельнул.
Два создания: верили, боялись,
Что б один навечно не уснул

И пацан, тихонько, осторожно,
Прошептал: «Мохнатенький! Вставай
Поднимай головку, поднимай,
Больно? Ну давай! Ну как так можно!

Миленький! Попробуй, поднимись,
Ты же спас меня сейчас, родимый!
Ну, держись, собачка, ну, крепись,
Ты ж боец! Ты пес — непобедимый!»

И Махно, напрягшись, всё же встал.
На коленки, а потом на ноги.
И подумал: «Как пацан достал!
Помереть не дал, о Боги, Боги»

Ну раз так, — теперь за ним идти.
До деревни вновь ему тащиться.
Как могло такое получиться,

Как это могло произойти?

Ведь уже назначено Судьбою,
Что прошёл его собачий век,
А вот этот мелкий человек
Отменил Судьбы решение такое?..

И пошли в деревню не спеша
Двое: мальчуган и пес мохнатый.
Значит, не всегда Богам решать,
Что кому назначено когда то.

На краю деревни старый дом.
Пес к нему уверенно свернул.
А за псом к нему свернул Артём,
Как бы, пса домой он сам вернул.

На крылечке бабушка и дед.
Сцена из кино «Мы вас не ждали».
Видно, так давно не удивляли
Их события, каких не видел свет.

«Ох!» — у Марьи вырвалось со вздохом.
«Мать твою,» — лишь дед сумел сказать.
На ступеньку сел, не мог стоять,
Стало хорошо, сильнее, чем плохо

«Жив, собака. Просто где-то шлялся!
А уж как же нас он напужал!
Ну, иди сюда, раз уж попался,
Я тебе сейчас подам скандал!

Мы тут с бабкой так переживали:
Сдох Мохнатый. А он — вон, гляди, —
Тихо, бабка! Стухни! Не гунди!
Вы меня со псом уже достали.

Я здесь всю деревню обошёл:
Помирать собрались, хороните.
А гляди: гуляка наш пришел.
Здравствуйте — пожалуйста — примите!»

Рухнул тут Махно перед крыльцом.
Гость вмешался, пробил его час:
«Здравствуйте! А я Смирнов Артём.
А ваш пёс меня от смерти спас.

Он в лесу под деревом лежал,
И уже почти что не дышал.

Я не видел, на гадюку наступил.
Он как прыгнет! Как её схватил,

От меня её отбросить смог.
А потом упал, я думал,- сдох.
Я даже заплакал там от страха,
Только ожила потом собака»

Не сказал пацан про чудеса,
Видно, в них еще не понимал,
Что собаку подняла его слеза,
Что спасителем он, сам не чая, стал.

Да и бабка с дедом не догнали,
Что вот эта детская слеза
С гроба возвратила их назад,
Что слезою живы снова стали

Как остатки жителей села
Праздник неожиданный гуляли,
Похорон отмену пропивали,
Этого молва не донесла.

Я бы рад закончить этот сказ
Нотой светлой, чистой, мажорной.
Только жить в мажоре не для нас.
Главный в жизни цвет, однако, черный.

Лето пролетело. Красотой
Осень отгуляла над деревней.
Стужей белой, черной, вечной, древней
Холод землю окружил зимой.

На Коловороте, в Карачуна,
Дед Смирнов на двор по утру вышел.
Видит, — у Ивана с Марьей над крышей
Дыма нет. Не топиться печура.

А мороз за тридцать. Холода!
И без печки в доме, просто дубар.
Не иначе, к ним пришла беда.
На плечи накинув полушубок,

Дед Смирнов к соседям поспешил.
Так вот и закончен мой роман:
У кровати мертвый пёс лежит,
А на одре Марья да Иван.

Без дыханья спят. Как молодые,

Обнялись, прижались и молчат.
И глаза зарыты, будто спят.
Волосы переплелись седые.

Вся семья ушла, — как и хотели,
Друг без друга, видно, не житье.
Пусть им зимние поют метели!

Кончилось сказание моё.

Давнее кораблекрушение в Приморье

*«29 марта 2003 года у побережья Приморья затонуло рыболовное судно „Виктория“,
погибли шесть рыбаков». Новости Приморья*

«Что ж ты лыбишься в полную силу, Луна,
И, живая, следишь, как тону, трепыхаясь», —
Мысль последнюю с жизнью накрыла волна.
Утонул капитан, задыхаясь.

Он, последний оставшийся, в леер моста
Пальцы впив, до бесчувствия мерзнущих рук,
Погибал, точно зная, впереди пустота,
Не спасут. Ни «авось» и не «вдруг»

Был удачным почти этот мартовский рейс,
Только в море неверным считается март,
Вылов славный. В Японии скинули весь.
Шли домой. И закончился фарт.

Шторм поймал, где не ждали, до дома чуть-чуть,
Рядом берег, надежда, спасенье, удача
Оставалось лишь нос на волну повернуть
Только море решило иначе.

Был скрип корпуса страшным, живым словно крик,
Захлебнулся, рыдая, и дизель усталый.
Умирал МРС, слабый, ржавый старик.
Две минуты, — и судна не стало.

Так и страны, бывает, сметают шторма,
Если слишком беспечны наивные люди.
И приходит конца неизбежный кошмар,
Точно зная, — спасенья не будет.

И Планета с орбиты своей не сойдет,
Мира море останется прежним и синим,
Когда канет в пучину судьбы Пароход
Под красивым названием «Россия».

Снег в Марте в Находке

Вот так вот выйдешь на прогулку с другом:
Собак мой радуется белому снежку.
Зайдём с ним вместе в недалёкий гастроном,
Возьмём подарки, для себя, да и дружку.

Мясной конфетке мой собака будет рад,
Меня ж порадует Кахетии вино.
И добрым лаем мы облаем всех подряд:
Соседке-сучке улыбнёмся мы в лицо.

А я с утра налью грузинского вина,
Икоркой розовой намажу бутерброд,
Включу я музыку негромко, с легонца,
И жизнь наладится, и хмара вся пройдет.

Споёт Высоцкого мне Лепс про чудный лес,
И про любимую, что в тереме со мной.
И жизнь получит новый, полный интерес,
И беды все пройдут десятой стороной.

И телевизор не расстроит, — рассмешит,
Своё показывая нижнее бельё,
Про то, как враг разбит, и враг бежит, бежит,
Оптимистично так напомним Соловьёв.

И то, что где-то самолёт, увы, упал:
Так я в нём не был, снова бонус для меня.
Ведь для меня могилой братской он не стал,
Всё остальное в жизни вроде бы фигня.

Налю бокал, и под оливку помяну,
Тех кто уже не смотрит НаТеВу;
Тех, кто уже не материт свою страну,
Не шлёт проклятья на красавицу-Москву.

Тех, кому Путин, — просто фантик из кино,
Тех, кого Дума вряд ли сможет нагрузить,
И все нападки Трампа, — абсолютный ноль*,
И нету тех проблем, что предъявляет Жизнь.

Вот так по улицам полезно нам гулять,
Чтоб воздух чистый грязь всю вымыл из мозгов,
И знать, что жить, — чуть веселей, чем выживать,
И жизнь другая есть, где в мире нет врагов.

Мне позитива март добавил прямо с утра,
Собак мой тоже, — чисто счастья отхватил.
Жить можно просто и красиво, без затрат,

Когда не видеть зло в тебе хватает сил.

К Рождественским посиделкам

Сказ

Рекламы звоном вся забита голова,
Сетей насильем изменились мыслей темы.
Значения утратили слова.
Остались фейки, междометья, мемы.

Чужие звуки издают, увы, уста:
Здесь «Wow, и Yes, Mistake, и Ups, и Cool»
Рот говорит, а голова пуста,
Чужой Злой Дух в неё те звуки вдул.

Чужой Злой Дух Россию захватил.
Он грабит нашу Русь, и губит души.
Сопротивляться нет в народе сил,
Ведь силу каш сменила нега «суши».

Что делать тем, кто жил иной судьбой?
В другой стране, великой и счастливой?
Наедине, в тоске с самим собой,
Мешают россияне водку с пивом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.